

М.А. Бурда**M. Burda**

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СУБЪЕКТНОСТЬ ЭТНИЧЕСКИХ ДИАСПОР В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНОЙ МИГРАЦИИ: ВЫЗОВЫ НАЦИОНАЛЬНОМУ СУВЕРЕНИТЕТУ

THE POLITICAL SUBJECTIVITY OF ETHNIC DIASPORAS IN THE CONTEXT OF GLOBAL MIGRATION: CHALLENGES TO NATIONAL SOVEREIGNTY

Аннотация

В исследовании рассматривается возрастающая роль этнических диаспор, которые все чаще выступают в качестве самостоятельных, влиятельных акторов современных общественно-политических процессов, оказывающих заметное влияние на политические решения и общественные настроения. Анализируются институциональные и функциональные характеристики иммигрантских диаспоральных сообществ, а также их дуалистическая природа, обусловленная необходимостью одновременно сохранять связь с государством исхода, поддерживать этнокультурную идентичность и выстраивать эффективную коммуникацию с принимающим обществом. Особое внимание уделяется методологическим подходам к исследованию феномена диаспоры – институциональному, сетевому, коммуникативному и компаративистскому, применяемым в отечественной и зарубежной науке, а также эволюции понятия «диаспора» в академическом дискурсе. В работе обосновывается, что современные диаспоры, обладая доступом к ресурсам и развитыми сетями вертикальных и горизонтальных связей, способны влиять на миграционную политику, лоббировать конкретные инициативы, рекрутировать своих представителей в органы государственной власти и даже формировать собственные политические партии. Особую опасность с точки зрения воздействия на суверенную миграционную политику современного государства представляет коалиционная активность диаспор с наднациональными структурами (МОМ и др.), что в совокупности создает контуры транснационального

Abstract

The study examines the growing role of ethnic diasporas, which are increasingly acting as independent, influential actors in modern socio-political processes that have a noticeable impact on political decisions and public sentiment. The institutional and functional characteristics of immigrant diasporal communities are analyzed, as well as their dualistic nature, due to the need to simultaneously maintain contact with the state of origin, maintain an ethnocultural identity and build effective communication with the host society. Particular attention is paid to methodological approaches to the study of the diaspora phenomenon - institutional, network, communicative and comparative, used in domestic and foreign science, as well as the evolution of the concept of "diaspora" in academic discourse. The work substantiates that modern diasporas, having access to resources and developed networks of vertical and horizontal ties, are able to influence migration policy, lobby for specific initiatives, recruit their representatives to government bodies and even form their own political parties. A particular danger in terms of influencing the sovereign migration policy of a modern state is the coalition activity of diasporas with supranational structures (IOM, etc.), which together creates the contours of a transnational "international" promoting a single migration discourse in various jurisdictions. Based on the analysis of statistical data, it is concluded that diasporal communities are becoming a significant factor in changing the ethnocultural and religious balance, as well as a very serious source of

«интернационала», продвигающего единый миграционный дискурс в различных юрисдикциях. На основе анализа статистических данных делается вывод о том, что диаспоральные сообщества становятся значимым фактором изменения этнокультурного и религиозного баланса, а также весьма серьезным источником потенциальных этнополитических конфликтов.

potential ethnopolitical conflicts.

Ключевые слова:

этнические диаспоры, политическая субъектность, миграционная политика, институционализация, диаспоральное управление, этнополитические конфликты.

Key words:

ethnic diasporas, political agency, migration policy, institutionalization, diaspora governance, ethno-political conflicts.

<https://doi.org/10.24412/2227-1538-2026-3-68-82>

Расширение соответствующих возможностей влияния современных этнических диаспор в большинстве стран мира обусловлено не только формированием разомкнутой географии реализации системы международных отношений, но и формированием предпосылок для включения в структуру мировых процессов несистемных и неформальных игроков. Иными словами, речь идет о том, что по мере динамизации современных миграционных процессов резко обостряется запрос на институционализацию устойчивых типов идентичности, которые позволяют чувствовать себя безопасно и не подвергаться проявлениям дискриминации (которые зачастую являются лишь элементом политико-манипулятивных схем) в принимающих обществах. Безусловно, ключевую роль в данных процессах играют непосредственно диаспоральные сообщества. Формируемые в данном контексте идентификационные конструкции являются довольно специфичными, что характеризует и диаспоры, и миграционные общины в качестве акторов, обладающих низким уровнем социальной компетентности, дефицитом правового статуса, а также слабостью политической позиции. При этом диаспоральные сообщества, если они сформированы из иммигрантов, или лиц с иммиграционным прошлым, зачастую остаются проводником интересов и ценностей государства исхода.

В институциональном и функциональном отношении диаспоры, однако, находятся в более затруднительном положении, поскольку, с одной стороны, они должны сохранить связь с материнским сообществом, а с другой стороны, они заинтересованы в конструировании оптимальной коммуникации с принимающим сообществом. Такого рода дуализм может являться предпосылкой к конфликту между национально-государственным и экстра-территориальным компонентами идентичности стран с различной историей,

политическим режимом, уровнем хозяйственно-экономического уклада и т.д. Одновременно это может служить основой возникновения различного рода триггеров социальной напряженности, что имеет потенциал приводить к конфликтам этнополитического и этноконфессионального характера, как следствия выстраивания различных конфигураций коммуникации мигрантов с местным сообществом и определения новых правил и условий пребывания иностранных граждан на территории принимающего государства.

Возникновение в стихийно и неупорядоченно формируемых миграционных потоках организованных структур, коими являются этнические диаспоры, само по себе является серьезным вызовом государственности, поскольку ставит под вопрос осуществление системного контроля над границами и обеспечение монополии на силовые инструменты. В этой связи основная опасность состоит в том, что если совокупное мигрантское население, способствуя неконтролируемому трансграничному движению, формируют разнонаправленные и крайне неравномерно распределенные миграционные потоки, связывая тем самым своеобразными коридорами различные корреспондирующие социокультурные пространства, то диаспоры инициируют представительство интересов мигрантов на соответствующих управленческих уровнях, имея доступ к ресурсам и влияя на процесс принятия решений, и осуществляют лоббирование конкретных инициатив и проектов.

Несмотря на существующее немалое количество научных публикаций, посвященных тем или иным аспектам деятельности современных диаспоральных сообществ, по объективным причинам остаются некоторые лакуны, которые не позволяют во всей исследовательской полноте анализировать феномен диаспор.

Во-первых, это отсутствие самостоятельной правосубъектности в юридическом смысле слова, что накладывает определенные ограничения на изучение моделей и форм институционального взаимодействия диаспор с органами государственной власти. На внутригосударственном уровне диаспоры представлены преимущественно в составе национально-культурных общественных объединений (НКОО) или национально-культурных автономий (НКА), однако определить степень и характер их представленности невозможно, а в логике международного права диаспоры, само собой, также не являются субъектом международных отношений, реализуя свои функции посредством инструментария публичной дипломатии.

Во-вторых, это закрытость контура функционирования диаспор на глобальном уровне, поскольку их реальная деятельность в качестве агентов влияния и проводников повестки международных организаций далеко не всегда открыта и контролируема.

В обоих случаях речь идет и о существующих поисковых ограничениях, а именно о недостатке необходимой статистической и аналитической информации, которую можно верифицировать (подтвердить либо опровергнуть).

Методологический фундамент исследования этнических диаспор образуют четыре ключевых подхода. Институциональный подход трактует диаспору как специфический институт, включенный в процессы социального, правового и политического регулирования и обладающий внутренней системой принципов, ценностных ориентаций и традиций. Сетевой подход акцентирует внимание на структурной организации взаимодействий, которые, как правило, обретают форму сетей, выстраиваемых на основе как иерархических (вертикальных), так и горизонтальных связей. В рамках коммуникативного подхода выявляются ключевые практики и технологии интеракции с органами государственной власти, бизнес-структурами, некоммерческими организациями, группами интересов и политическими акторами. Наконец, компаративистский подход предполагает сопоставление диаспоральных объединений различного уровня и характера по эквивалентным аналитическим параметрам.

Понятийно-категориальная рамка исследования диаспор

Хотя понятие «диаспора» оформилось в академическом дискурсе в 1970-х гг., единого подхода к определению его сущностных характеристик до сих пор не сложилось. При этом, в научный оборот понятие диаспоры ввел еще в конце 20-х гг. XX века основатель чикагской социологической школы Р.Э. Парк, который, однако, трактовал диаспору, прежде всего, как культурную общность, т.е. в большей степени этническую, нежели религиозную (Парк, 2011).

Р.Э. Парка интересовали вопросы ассимиляции и формирования межкультурных связей, в результате чего он сделал вывод о существовании относительно устойчивых и изолированных сообществ, объединенных, соответственно, по культурным признакам и исторически проживающих на какой-то конкретной территории. Таким образом, в первой половине XX столетия понятие «диаспора» стало восприниматься как общность мигрантов по принципу происхождения преимущественно в примордиалистском ключе.

Более предметный анализ диаспор связан с научными публикациями Дж. Армстронга. Его подход заключался в том, чтобы не только выявить подчас незаметные основания конструирования идентичности, которые служат мощным объединительным стимулом внутри диаспоральных сообществ, но и оценить степень их социально-политического влияния (Armstrong, 1976).

Это обусловлено началом периода активного взаимодействия диаспор иммигрантов с институтами власти государства-реципиента, которые проводя в отношении иностранцев политику ассимиляции (аккультурации) были вынуждены искать точки и форматы взаимодействия с инокультурным сообществом. В свою очередь диаспоры иммигрантов пытались найти возможности сохранения среди своих соотечественников определенных элементов своей культуры и идентичности. В контексте такого взаимодействия в значительной степени диаспоры со стороны институтов власти приравнивались и рассматривались как одно из этнических меньшинств.

Начиная с 1980-х гг. акцент при определении диаспоры производился на конкретной стране, в которой в свое время институционализировалась диаспора и теперь осуществляет представительство интересов. При этом исследовательские причины подобного странового фокуса относительно феномена диаспоры условно на Западе и в странах постсоветского пространства различны – в первом случае это преимущественно рост поликультурности и разнородности западных обществ, во втором случае – актуализация проблем значительного числа этнокультурных меньшинств и этнических групп в республиках бывшего Советского Союза, решение которых требовало формулирования соответствующей понятийной основы.

Сегодня существует множество различных подходов к определению понятия «диаспора», однако в основном они формулируются в логике некоего «веберовского» идеального типа явлений и процессов, так или иначе связанных с деятельностью диаспор. Однако довольно очевидны издержки применения подобного идеализированного эталонного варианта с учетом вынесения за скобки негативных последствий реализации некоторых проектов, продвигаемых сегодня диаспорами в том числе на уровне наднациональных структур.

Данный подход является следствием формирования представления о диаспоре как об объективно существующей и даже заданной сущности, однако история знает немало примеров того, как различные диаспоральные организации специально встраивались в технократическую составляющую большинства процессов, связанных с реализацией миграционных и иных глобалистских проектов.

В рамках классической академической традиции сохраняется устойчивая тенденция к использованию дефиниций, фиксирующих структурные и функциональные характеристики диаспоры, интерпретируемые сквозь призму инструменталистского и конструктивистского подходов. Развивая данную методологическую линию, Р. Брубейкер предлагает дифференциацию поня-

тия «диаспора», выделяя три взаимосвязанных семантических уровня (Brubaker, 2005).

В рамках первого уровня речь идет о диаспоре как форме существования в рамках определенной социальной или политической категории, предполагающей осознанную политическую саморепрезентацию такой группы в качестве диаспоры. На втором уровне представленный конструкт усложняется за счет конкретных исторических условий формирования такой диаспоры. Наконец, третий уровень рассматривает «диаспору» как обобщающее прилагательное, которое описывает все многообразие явлений, связанных с первыми двумя уровнями. Иными словами, когда говорят о «диаспоральной кухне», «диаспоральной культуре» или о «диаспоральном сообществе» и «диаспоральной организации» имеют в виду и сам процесс существования группы в рамках соответствующей саморепрезентации, и конкретное состояние этого процесса в тот или иной момент времени. Таким образом, третье значение охватывает одновременно динамику и статику диаспоральных феноменов, объединяя их в единую аналитическую рамку.

В этой связи представляется необходимым оперировать тем пониманием диаспоры, которое включало бы не только некие атрибуты в позитивном смысле, но и проблемы, а также различного уровня конфликты, которые порождают своей работой диаспоральные общности, встроенные главным образом в структуру глобальных институтов – как формальных в виде международных организаций и субъектов надгосударственного регулирования, так и неформальных в виде несистемных либо противоправных игроков.

Достаточно интересным представляется современный спектр исследования этнической диаспоры в российской научной школе, связанный с исследованием прежде всего диаспор иммигрантов и лиц с иммиграционным прошлым.

У.А. Кукина в рамках классического подхода рассматривает диаспору как «часть народа, проживающую за пределами страны «исхода», при этом сохраняющую память об общем этническом происхождении и разделяющую общие духовные ценности. Диаспора способна разрабатывать собственную стратегию взаимодействия как со страной проживания, так и с исторической родиной, создавать институты и организации, направленные на сохранение этнической идентичности» (Кукина, 2024, с. 57).

В свою очередь, А.А. Авдашкин рассматривает диаспору в ключе «транснациональной активности», связывая их деятельность не только с этничностью, но и деятельностью международных организаций, бизнес-сетей и социальных движений (Авдашкин, 2018).

С.К. Князян анализирует диаспоры как один из объектов государственного управления и внешнеполитического ресурса государства-приема мигрантов относительно государств их исхода (Князян, 2024), а Н.В. Панкевич, напротив, отмечает диаспоры как самостоятельного субъекта политического процесса, который зачастую может быть власти неподконтрольным (Панкевич, 2025).

При любой подобной интерпретации подхода к исследованию диаспоры выявляются потенциальные риски ее противопоставления институтам государства, его суверенитету, формируя и транслируя деструктивные ценности и лоббируя соответствующие антигосударственные политические решения. В научно-исследовательском ключе подобная установка применима к постмодернистскому подходу.

Учитывая вышеизложенное, в качестве «рабочего» определения диаспоры можно использовать следующее: диаспора – это социально-политический институт, представляющий интересы сформированных на основе этнической, территориально-исторической, языковой, культурной и религиозной идентичности социальных групп во взаимодействии с государством, а также иными субъектами и акторами общественно-политического процесса.

Диаспоры как самостоятельные акторы общественно-политических процессов

На современном этапе не стоит недооценивать потенциал этнических диаспор, имеющих в распоряжении сложившийся набор практик рекрутирования своих представителей в органы государственной власти и влиятельные общественные организации, развивающих каналы коммуникации с законодателями, а также получающих финансирование от крупных инвестиционных фондов.

А. Гэмлен развивает данную мысль, вводя понятие «diaspora governance» под которым понимается процесс взаимодействия с диаспорами уполномоченных институтов в процессе, которого эти уполномоченные институты формализуют этнические диаспоры как равных партнеров в области управления миграцией, межнациональных отношений, т.е. реализуют политику не в отношении таких диаспор, а с участием диаспор (Gamlen, 2014).

Действительно, в современных условиях диаспоральные сообщества получают новые рычаги влияния на миграционную обстановку во многих странах, набирая, соответственно, серьезный политический вес. Занимая посреднические позиции между государственными структурами страны приема и исхода и местными мигрантскими общинами, диаспоры способны не

только определять этнокультурный состав населения посредством влияния непосредственно на процедуру получения гражданства, но и принимать решения о дальнейших перспективах мигрантов. При этом стандартный процесс социально-правового укоренения диаспоры в пространстве конкретной страны напоминает своеобразную воронку, когда число вновь прибывших превышает число закрепившихся, что способствует расширению соответствующих каналов оседлости мигрантов и их включению в диаспоральные объединения.

Ф.И. Храмцова, рассматривая в своей работе диаспоры в отдельных странах Западной Европы обращает внимание на заметный «вклад» мигрантов и этнических диаспор в изменение структуры населения не только по этническому, но и религиозному составу. По данным на 2022 год, крупнейшие мусульманские общины Европы сосредоточены во Франции (5,7 млн человек, 8,8% населения), за ней следуют Германии (4,6 млн, 5,5%), Великобритании (3,3 млн, 5,2%), Италии (3 млн, 5,1%) и Испании (2,5 млн, 4,2%). Рост мусульманского населения в указанных странах обусловлен ростом миграции из таких стран как Турция и Марокко, а также беженцев из Ирака, Сирии, Афганистана и стран Африки. На основании национальных статистических данных в рамках, проведенных в 2021-2024 гг. переписях населения в указанных государствах можно выделить основные этнические группы диаспоральных сообществ. Говоря об этническом составе диаспор во Франции прежде всего следует выделить алжирскую и марокканскую диаспору, а также выходцев из Сенегала, Мавритании и других бывших французских колоний «черной Африки». В Германии прежде всего выделяются по своим объемам турецкая и польская диаспоры, однако как следствие миграционного кризиса 2015-2016 гг. также наблюдается рост сирийской, иракской и афганской диаспор. В Великобритании наибольшая как динамика, так и количественные показатели наблюдаются среди индийской и пакистанской диаспор. Наиболее крупные диаспоры внутри Италии образованы выходцами из Албании, а в Испании доминируют диаспоральные сообщества марокканцев. Активно расширяются иммигрантские сообщества диаспорального типа в Бельгии (879 тыс. чел. или 8% от всего населения) и Нидерландах (850 тыс. чел. 7% от всего населения) (Храмцова, 2024).

Необходимо также отметить, что диаспоры мигрантов играют важнейшую роль в процессах изменения этнокультурной структуры населения в государствах-реципиентах, особенно с низким демографическим потенциалом местного населения. Различные диаспоральные структуры, как формального, так и неформального типа, становятся агрегатором иммиграционных процессов и интересов иммигрантов при их переезде на новое место

жительство, формулируя определенный уровень социальности потенциальных иммигрантов. Диаспоры, таким образом, выступают основными инициаторами притока новых участников, определяют их персональный состав, а также обеспечивают предоставление благ и устанавливают круг обязанностей. Исполнение таких обязательств является условием членства в диаспоре и открывает доступ к внутридиаспоральным материальным и нематериальным ресурсам.

В связи с этим, в рамках проводимого анализа функциональных характеристик диаспоры целесообразно выделить ряд взаимосвязанных аспектов. Прежде всего, институт диаспоры обеспечивает солидаризацию участников, интегрируя их в сообщество на основе сетей этнической принадлежности, землячества, родства и др. Подобного рода консолидация порождает обременительные хозяйственные зависимости, которые, вменяя членам группы определенные обязательства, одновременно создают механизмы, гарантирующие их исполнение путем формирования внутри иммигрантского сообщества жесткой иерархии вертикальных и горизонтальных связей. Наличие иерархичных связей позволяет выделить особую группу внутри этнической диаспоры, представители которой формально или неформально уполномочены на осуществление коммуникации с органами публичного управления, коммерческими и некоммерческими организациями, а также с местными жителями.

Выстроенная внутри диаспор иерархия позволяет достаточно эффективно реализовать функцию внутреннего контроля и, при необходимости, групповой мобилизации. Это обусловлено тем, что позиционирование принадлежности индивида к диаспоре, как к социальной группе, сопряжена с санкционированием как участия, так и неучастия в конкретных мероприятиях, включая акции неконвенционального и делинквентного характера. Вследствие этого способность рядового члена к самостоятельному действию и принятию решений в значительной степени блокируется императивом лояльности по отношению к группе.

Кроме того, диаспора играет существенную роль в увеличении совокупного экономического вклада в благосостояние стран исхода, что позволяет наращивать политический капитал. Примечательно, что если ранее этот вклад представлял собой преимущественно финансовый поток, реципиентами которого выступали субъекты частного сектора – семьи, домохозяйства, отдельные предприятия, то в настоящее время он все чаще приобретает формы, непосредственно ассоциированные с правительственным центром.

Наконец, диаспора инициирует формирование трансграничных альянсов с организациями, разделяющими дружественную миграционную повест-

ку, например с Международной организацией по миграции (МОМ), рассматривающей диаспоры как своего ключевого партнера. Здесь необходимо сделать акцент на то, что диаспоральные объединения исторически ориентированы на тесное сотрудничество с различными надгосударственными институтами и организациями, обладающими наибольшей концентрацией ресурсов и по объективным причинам далеко не всегда попадающими в зону контроля. В целом это также соответствует существующим практикам МОМ, направленным на расширение прав и возможностей мигрантов и оказание им помощи в их социально-экономической интеграции.

Именно по этой причине многие действия, предпринимаемые международными структурами, не удастся отследить и проверить. Особые позиции в этом контексте занимает ставка диаспор на продвижение международных правовых инструментов, прежде всего Договоров, Конвенций, Пактов и др. и последующее обеспечение их правоприменения в рамках национального законодательства государств-реципиентов.

Исторически МОМ довольно тесно сотрудничает с различными диаспоральными структурами. В вопросе институционализации наметившегося особо внимательного отношения к роли диаспор применительно к миграции и установки на поддержание их активного участия в регулировании миграционных процессов необходимо отметить важный этап, связанный с успешным запуском по инициативе МОМ Глобального альянса по политике в отношении диаспоры (Global Diaspora Policy Alliance, GDPA), создание которого обсуждалось в том числе в ходе Международной конференции по будущей повестке дня действий по глобальному взаимодействию с диаспорой. Опираясь на успех Глобального саммита диаспоры 2022 года и Дублинской декларации, это мероприятие ознаменовало собой критический момент в формулировании и реализации глобальных усилий по использованию преобразовательного потенциала диаспоральных сообществ в части управления и регулирования миграционных потоков. Такая коалиционная активность создает контуры потенциального «интернационала», нацеленного на продвижение единого миграционного дискурса одновременно во многих юрисдикциях и на более эффективную реализацию политики на страновом уровне.

В данном случае речь идет о мерах, направленных на расширение представленности языков этнических диаспор в секторах, связанных с социальным обслуживанием, на снятие законодательных запретов на ношение определенных видов одежды (хиджабы, никабы и др.), а также на инкорпорацию религиозных институтов и практик в такие сферы, как медицина, образование, деятельность кредитно-финансовых организаций, деятельность правоохранительных органов и вооруженные силы, а также формирование

иных отличных общественно-культурных установок в местах компактного проживания иммигрантских сообществ. Это обусловлено имеющимся противоречием системы религиозных (исламских) ценностей у иммигрантов или лиц с иммиграционным прошлым и ценностей современного европейского неолиберализма.

Постепенное формирование напряженности между местными сообществами и этническими диаспорами приводит к накоплению критической массы противоречий, в том числе и на бытовом уровне, которые имеют потенциал трансформации в серьезные конфликты, протекающие внутри государства. Л.В. Слуцкая отмечает: «Диаспоры являются вовлеченными участниками межэтнических противостояний, в которых берут на себя функцию либо артикуляции этнических претензий, либо нейтрализации потенциального или актуального конфликта» (Слуцкая, 2023, с. 57).

В последние годы наблюдается все более выраженный глобальный тренд, состоящий в кооптации диаспоральных элит политическими партиями государств Западной Европы, США и Канады с целью мобилизации дисциплинированного электората и назначения представителей (лидеров) диаспор на значимые посты в институтах власти. Расширение масштабов подобной практики создает условия для переориентации деятельности законодательной и исполнительной ветвей власти на приоритеты диаспоральных сообществ, которые могут существенно отличаться от национальных интересов самого государства. Так, деятельность еврейской диаспоры оказывает существенное влияние на внешнеполитический курс США в ближневосточном регионе, украинская диаспора оказывает существенное влияние на политическое руководство Канады в контексте российско-украинского конфликта, крупные мусульманские диаспоры оказывают влияние на правительства европейских государств в рамках арабо-израильского и палестино-израильского конфликта и др.

Еще одним трендом деятельности этнических диаспор и их последующей институционализации является формирование диаспоральными сообществами политических партий, которые нацелены на продвижение собственной общественно-политической повестки, при этом вполне очевидной особенностью данных структур является их этнический профиль или религиозная ориентация. При этом религиозная ориентация не всегда выполняет функцию квази-объединения иммигрантских сообществ на основании, например, религиозной принадлежности. Как справедливо отмечает С.В. Погорельская, мусульманская диаспора в Германии достаточно разнообразна и представлена различными, часто враждующими между собой направлениями

ислама в связи с чем не рассматривается институтами власти как единое целое (Погорельская, 2026).

На примере Германии можно наблюдать как представители различных этнических групп интегрируясь в политические партии не имеющих формализованного этнического или религиозного маркера впоследствии продвигают через эти партии свою повестку, одновременно принося партиям голоса своих соотечественников. Таким образом, необходимо учитывать, что в вопросе политической институционализации этнических диаспор речь идет не о формировании политических партий по этническому признаку, что в некоторых государствах прямо запрещено на законодательном уровне, а в большей степени об институционализации общественно-политических интересов мигрантов и лиц с иммиграционным прошлым, основанных на вопросах расового неравенства, дискриминации и инклюзивности на площадках идеологически близких данным нарративам политических сил, оппонирующих право-популистской части европейского политического спектра.

Вместе с тем европейская практика демонстрирует, что накопленная диаспорами гражданская масса позволяет самостоятельно выйти на электоральное поле и в рамках этнического политического объединения (партии). В этой связи можно вспомнить успех в нидерландской избирательной практике партии DENK, а также BIJ1, которым удавалось получать места в национальном парламенте.

Достаточно интересным представляется рассмотрение еще одного, феномена современных диаспоральных сообществ – «цифровой диаспоры» (Рязанцев, 2022). Цифровая диаспора рассматривается не как простая совокупность этнических онлайн-сообществ, а как качественно новая социально-технологическая архитектура, представляющая собой динамичную сеть горизонтальных связей, опосредованных цифровыми платформами, в рамках которой конструируется общее символическое пространство диаспорального сообщества. При этом речь не идет о каком-либо замещении реального диаспорального сообщества, а о формировании специализированного цифрового инструментария, позволяющего иммигрантам сохранять агентность и управлять собственной уязвимостью посредством коллективных действий в сети.

Влияние диаспор на современный политический ландшафт современных государств продолжает приобретать все более глобальный характер, при этом, однако, вполне можно проследить формирование некоторых конфигураций: например, таких как Германия – Турция, Франция – Северная Африка, Канада – Украина, США – Мексика. Несмотря на столь беспрецедентный рост политического влияния диаспор, в современных условиях остается нерешенным большинство вопросов, связанных не только с опре-

делением правового статуса диаспоральных организаций и моделей их участия в государственном стратегическом планировании и формировании гражданской идентичности, но и с концептуализацией определения диаспоры в современной политической науке.

Проведенный анализ позволяет заключить, что в современных условиях этнические диаспоры трансформируются из преимущественно культурно-адаптационных образований в полноценных политических акторов, обладающих значительными ресурсами влияния. Это влияние реализуется через выстраивание иерархических структур внутри диаспоральных сообществ, развитие каналов коммуникации с органами государственной власти, участие в избирательных процессах и лоббирование интересов как на национальном, так и на наднациональном уровнях. Особую роль играет способность диаспор мобилизовывать свои сообщества и обеспечивать внутреннюю дисциплину, что делает их эффективным инструментом продвижения определенных политических повесток, не всегда совпадающих с национальными интересами принимающих государств.

Вместе с тем, дуалистический характер диаспор, вынужденных балансировать между интересами страны исхода и страны пребывания, создает предпосылки для возникновения социальной напряженности и этнополитических конфликтов. Это особенно заметно на фоне роста мусульманских диаспор в Западной Европе, где ценностные противоречия между религиозными установками мигрантов и принципами европейского неолиберализма становятся триггером для формирования конфликтогенного потенциала. Показательным является также пример канадской украинской диаспоры, демонстрирующий, как политически активные сообщества способны влиять на внешнеполитическую риторику и действия принимающего государства.

Несмотря на беспрецедентный рост политического влияния диаспор, сохраняется значительная лакуна в их правовом статусе как на внутригосударственном, так и на международном уровне. Отсутствие четкой юридической субъектности осложняет исследование их реальной деятельности и контроль со стороны государственных институтов, особенно в части взаимодействия с транснациональными организациями. Это создает риски неконтролируемого влияния на миграционную политику и суверенные решения государств-реципиентов.

Наконец, очевидным является глобальный тренд на кооптацию диаспоральных элит в структуры политических партий и органов исполнительной власти стран Запада, что открывает возможности для переориентации национальных приоритетов в пользу интересов диаспоральных сообществ. В перспективе это требует выработки новых подходов к управлению диаспорами

(diaspora governance), которые учитывали бы как их потенциал в качестве партнеров в регулировании миграции, так и риски, связанные с их деструктивной активностью.

Литература

Armstrong, J. A. (1976). Mobilized and proletarian diasporas. *The American Political Science Review*, 70(2), 393–408.

Brubaker, R. (2005). The 'diaspora' diaspora. *Ethnic and Racial Studies*, 28(1), 1–19.

Gamlen, A. (2014). Diaspora institutions and diaspora governance. *International Migration Review*, 48(1), 180–217.

Авдашкин, А. А. (2018). Глобальные и локальные диаспоры. *Вестник Удмуртского университета. Социология. Политология. Международные отношения*, 2(4), 418–425.

Князян, С. К. (2024). Влияние института диаспоры на формирование национально-государственной идентичности современного российского общества. *Власть*, 3(2), 160–164. <https://doi.org/10.24412/2071-5358-2024-2-160-164>

Кукина, У. А. (2024). Теоретическое осмысление понятия «диаспора» в политической науке. *Этносоциум и межнациональная культура*, (9(195)), 56–61.

Панкевич, Н. В. (2025). Диаспоральные сообщества в политическом процессе: идентичность, правовой статус, субъектность. *Дискурс-Пи*, 22(2), 10–28. https://doi.org/10.17506/18179568_2025_22_2_10

Парк, Р. Э. (2011). *Избранные очерки: Сборник переводов*. Центр социальных научно-информационных исследований.

Погорельская, С. В. (2026). Мусульманская диаспора ФРГ: 2025 г. *Россия и мусульманский мир*, (1(339)), 47–54. <https://doi.org/10.31249/rimm/2026.01.04>

Рязанцев, С. В., Волкова, О. А., & Оставная, А. Н. (2022). Роль цифровой диаспоры в преодолении уязвимости мигрантов в контексте пандемии COVID-19 (кейс молдавских мигрантов). *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология*, 22(3), 544–556. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2022-22-3-544-556>

Слущкая, Л. В. (2023). Диаспора в современном политическом процессе: политика диаспоры, дипломатия диаспоры, диаспоральный лоббизм. *Вестник Брэсцкага ўніверсітэта. Серыя 1: Філасофія. Паліталогія. Сацыялогія*, (2), 52–60.

Храмцова, Ф. И., & Потапейко, П. О. (2024). Мусульманская диаспора как политический фактор государств Западной Европы. *Международный журнал гуманитарных и естественных наук*, (10-3(97)), 55–63. <https://doi.org/10.24412/2500-1000-2024-10-3-55-63>

References

- Armstrong, J. A. (1976). Mobilized and proletarian diasporas. *The American Political Science Review*, 70(2), 393–408.
- Avdashkin, A. A. (2018). Global'nye i lokal'nye diaspori [Global and local diasporas]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Sotsiologiya. Politologiya. Mezhdunarodnye otnosheniya*, 2(4), 418–425. (In Russ.)
- Brubaker, R. (2005). The 'diaspora' diaspora. *Ethnic and Racial Studies*, 28(1), 1–19.
- Gamlen, A. (2014). Diaspora institutions and diaspora governance. *International Migration Review*, 48(1), 180–217.
- Khramtsova, F. I., & Potapeiko, P. O. (2024). Musul'manskaya diaspora kak politicheskii faktor gosudarstv Zapadnoi Evropy [Muslim diaspora as a political factor of Western European states]. *Mezhdunarodnyi zhurnal gumanitarnykh i estestvennykh nauk*, (10-3(97)), 55–63. <https://doi.org/10.24412/2500-1000-2024-10-3-55-63> (In Russ.)
- Knyazyan, S. K. (2024). Vliyanie instituta diaspori na formirovanie natsional'no-gosudarstvennoi identichnosti sovremennogo rossiiskogo obshchestva [Influence of the diaspora institution on the formation of national-state identity of modern Russian society]. *Vlast'*, 32(2), 160–164. <https://doi.org/10.24412/2071-5358-2024-2-160-164>
- Kukina, U. A. (2024). Teoreticheskoe osmyslenie ponyatiya «diaspora» v politicheskoi nauke [Theoretical understanding of the concept of "diaspora" in political science]. *Etnosotsium i mezhnatsional'naya kul'tura*, (9(195)), 56–61. (In Russ.)
- Pankevich, N. V. (2025). Diasporal'nye soobshchestva v politicheskom protsesse: identichnost', pravovoi status, sub"ektnost' [Diaspora communities in the political process: Identity, legal status, subjectivity]. *Diskurs-Pi*, 22(2), 10–28. https://doi.org/10.17506/18179568_2025_22_2_10 (In Russ.)
- Park, R. E. (2011). *Izbrannye ocherki: Sbornik perevodov* [Selected essays: Collection of translations]. Tsentr sotsial'nykh nauchno-informatsionnykh issledovaniy.
- Pogorel'skaya, S. V. (2026). Musul'manskaya diaspora FRG: 2025 g. [Muslim diaspora of Germany: 2025]. *Rossiya i musul'manskii mir*, (1(339)), 47–54. <https://doi.org/10.31249/rimm/2026.01.04> (In Russ.)
- Ryazantsev, S. V., Volkova, O. A., & Ostavnaya, A. N. (2022). Rol' tsifrovoi diaspori v preodolenii uyazvimosti migrantov v kontekste pandemii COVID-19 (keis moldavskikh migrantov) [The role of the digital diaspora in overcoming the vulnerability of migrants in the context of the COVID-19 pandemic (case of Moldovan migrants)]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta družby narodov. Seriya: Sotsiologiya*, 22(3), 544–556. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2022-22-3-544-556> (In Russ.)
- Slutskaya, L. V. (2023). Diaspora v sovremennom politicheskom protsesse: politika diaspori, diplomatiya diaspori, diasporal'nyi lobbizm [Diaspora in the modern political process: Diaspora politics, diaspora diplomacy, diaspora lobbying]. *Vestnik Brestskago universiteta. Seryya 1: Filosofiya. Palitalogiya. Satsyyalogiya*, (2), 52–60. (In Russ.)

Для цитирования: Бурда, М. А. Политическая субъектность этнических диаспор в условиях глобальной миграции: вызовы национальному суверенитету / М. А. Бурда // PolitBook. – 2026. – № 3. – С. 68–82. – DOI 10.24412/2227-1538-2026-3-68-82.